

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 16 декабря 1995

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 16 de diciembre de 1995 № 2366

ВИКТОР БОРТНЕВСКИЙ (Санкт Петербург)

СЛЕДУЕТ ЛИ ЭМИГРАНТАМ ПЕРЕДАВАТЬ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕЛИКВИИ В РОССИЮ?

В издающейся в Сан Франциско газете „Русская Жизнь“ 21 июня было опубликовано письмо „старого эмигранта-подписчика“ с критикой выдвинутой на страницах газеты инициативы передачи исторических документов, реликвий и военных наград в музей, который предполагается создать во Владивостоке. Как историк Белого движения и Белой эмиграции, а также редактор альманаха „Русское прошлое“, публикующего в значительной степени архивные документы Русского Зарубежья, я хотел бы высказать по этому поводу свои соображения.

Кому же все-таки принадлежат эти исторические реликвии — России или тем странам, где волею исторических катаклизмов оказались миллионы русских людей после большевицкого переворота и братоубийственной Гражданской войны (в частности, — Соединенным Штатам Америки)?

„Старый эмигрант-подписчик“ считает, что „все накопленные и сохранившиеся документы, реликвии и мемуары являются русским вкладом в здание американской культуры“. Думаю, что так можно говорить лишь о материалах чисто эмигрантского происхождения, а вовсе не об исторических реликвиях Императорской России, Великой войны, Белого движения — они-то уж никакого отношения к „американской“ культуре не имеют и, несомненно, принадлежат России как исторической родине русских американцев (правда, именно России, а не нынешней „Российской Федерации“).

Из всего этого, впрочем, не следует делать сразу скоропалительного вывода о необходимости передавать все, и чем раньше, тем лучше!

Прежде всего, надо отдельно говорить о личных семейных коллекциях и о собраниях, хранящихся в различных русских организациях. Считаю, что личные коллекции и семейные архивы просто незаменимы в воспитании детей, на привитии им чувства своей личной сопричастности к русской и мировой истории через материалы своих родных, близких и далеких предков. В большинстве России десятки лет были лишены этой возможности, в Русском же Зарубежье далеко не все имевшиеся возможность пользовались, а потом удивлялись „американизации“ своих детей и внуков. Семейные реликвии (если, конечно, они не представляют какой-то очевидной исторической ценности общероссийского или мирового значения) желательно сохранять в самих семьях, будь то в России или за ее пределами, беречь для будущих поколений — разумеется, при условии наличия в семье соответствующих бытовых условий и личной заинтересованности в хранении. Что же касается различных общественных, культурных и религиозных организаций Русского Зарубежья (Музей Русской Культуры, Музей Общества ветеранов Великой войны и Общекадетского объединения в Сан Франциско, Му-

зей общества „Родина“ и Казачий музей в Нью Джерси, Музей и архив Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле и многие другие), то Россия должна отдать им должное за само спасение множества исторических реликвий — вне зависимости от решения вопроса их передачи учреждениям „Российской Федерации“.

Желание некоторых членов эмигрантских организаций поскорее отправить на родину столь долго и усердно хранимые ими реликвии можно объяснить различными причинами. Это и недостаточный (мягко говоря!) интерес к продолжению их дела со стороны русско-американской молодежи. Это и собственный почтенный возраст, нехватка средств на ремонт помещений, наем квалифицированных исследователей и хранителей. Это и определенная идеализация ими положения в современной России, переоценка степени значимости многих чисто внешних атрибутов державности и православия, недооценка роли старой партийно-советской номенклатуры, влияния мафии и деятельности преступных группировок, в частности — промышляющих культурно-историческими реликвиями.

При принятии решения о целесообразности передавать куда-либо исторические реликвии необходимо иметь определенные ответы по крайней мере на следующие вопросы:

1. Как будет обеспечен их учет и физическое хранение?
2. Будет ли обеспечен свободный доступ к ним всех интересующихся вне зависимости от политической, партийной, должностной принадлежности, а также финансовых возможностей?

3. Будет ли обеспечена свобода использования переданных материалов в научной, литературной, педагогической и иной деятельности?

К сожалению, применительно к сегодняшней России нельзя ответить положительно ни на один из трех поставленных вопросов.

Российское правительство выделяет в госбюджете лишь крохи на культуру, образование и науку. Крупнейшие российские музеи, архивы, библиотеки годами не могут завершить ремонт помещений, установить современное противопожарное оборудование и сигнализацию в хранилищах. Чего стоит только гибельный пожар в Библиотеке Академии Наук, Институте русской литературы в Петербурге, Музее-усадьбе Владимира Набокова, многолетняя ремонтно-обивальная эпопея в бывшей Ленинской Библиотеке — самой крупной в стране, постоянные пропажи экспонатов в Эрмитаже и Русском музее или недавняя скандальная кража ценнейших старинных книг и рукописей в Национальной Библиотеке России!

Зарплата научных сотрудников, хранителей и вообще всего обслуживающего персонала низка до неприличия (даже по крайне умеренным российским меркам). И вот уже администрация некоторых архивов

под предлогом заботы о своих служащих начинает взимать плату за пользование теми или иными коллекциями, фантастически завинчивая оплату ксерокопирования (порой свыше 5 долларов за страницу), устанавливает грабительские пошлины за право публикации своих документов. Разумеется, это бывает прежде всего по материально бедствующим русским ученым, серьезно препятствуя (а порой и приостанавливая) их научной деятельности.

В России, как известно, отсутствует Закон об Архивах. Впрочем, думаю, что даже и принятие вполне хорошего и современного закона не скоро изменит сложившуюся годами практику административного произвола. Никто в действительности не знает, что будет с получаемыми из-за рубежа историческими реликвиями — сколько лет будут они на каталогизации и регистрации (так, одна из недавно переданных из США частных архивных коллекций оказалась закрытой „лет на восемь“), что будет открыто для всех, а что останется в запасниках или передано в другие места, в каком контексте и с какой целью будут использованы экспонаты в просветительской деятельности (имел, например, место факт демонстрации переданных реликвий Белых Войнов на музейной выставке в разделе „Трофеи Красной армии“). В коммунистическом СССР имелась целая иерархия доступа и допусков к тем или иным материалам, так что ответы типа „не выдается“, „нужен допуск иной формы“, „дело на секретном хранении“ звучали часто и откровенно. Ныне время иное: вам могут просто „не найти“ дела, ответить, что „в хранилище нет света“, „залито водой“, „травят крысы“, „красят стены“ и т. п. Жаловаться бесмысленно, да и некуда. Кстати, в последнее время многие наиболее часто используемые исследователями коллекции стали закрываться на переучет, каталогизацию, а то и снова на особое хранение. Все чаще и чаще администрация воспринимает хранящиеся в музеях или архивах материалы как свою корпоративную собственность, из коей можно при желании извлечь валюту, коммерческие связи, заграничные командировки. И вот, обычно совместно с западными коллегами, подписываются контракты с предоставлением эксклюзивных прав на издание документов с обязательным закрытием „посторонним“ доступа к ним до их публикации. Конечно, как обычно, часто все решают личные связи, а через них — взятки, а поэтому и здесь у простого русскогоченного возможностей немного.

Я мог бы еще долго продолжать, но, наверное, и сказанного достаточно, а я ведь еще ничего не сказал о столь важном (возможно, и самом главном) сдерживающем факторе, как крайне нестабильная политическая ситуация в современной России.

Думаю, что если уж так хочется попечителям эмигрантских музеев и архивов в Америке передать свои

документальные коллекции в Россию, то думаю, разумнее всего было пока передавать их копии, а оригиналы продолжать хранить у себя и не стесняться подавать прошения в многочисленные благотворительные фонды — так делают практически все их американские коллеги, желающие сохранить свои местные исторические реликвии. Кроме того в Америке, как известно, имеется ряд уникальных архивных собраний русских документов общемирового значения — такие как Гуверовский институт Стенфордского университета, Бахметьевский архив Колумбийского университета, Отдел рукописей Библиотеки Конгресса, библиотек Гарвардского, Йельского и других университетов, имеющих высокую репутацию в научном мире. Как правило, они с большим уважением относятся к условиям, выдвинутым при передаче документальных собраний, а таковыми могли бы быть и изготовление копий для отправки в Россию, и порядок выдачи документов исследователям, и многое-многое другое.

Немало широко известных американо-русских коллекций могли бы быть логически дополнены тем, что пока еще хранится на руках или в эмигрантских организациях. Так, в Гуверовском архиве, который, я считаю, образцовым во всех отношениях документальным хранилищем, находятся уникальные и обширные собрания генерала П. Н. Врангеля и его матери — баронессы М. Д. Врангель. Совсем недавно они были дополнены новым поступлением — их личной семейной перепиской, переданной живущими в Америке наследниками Белого Вождя.

В заключение, я не могу не приветствовать идею создания музея во Владивостоке как хорошую инициативу местного значения. Конечно же до жителей Приморья, столь далекого от главных политических центров России, необходимо „донести правду о судьбах многих и многих соотечественников, вынужденных покинуть родину после событий 1917 года“. Тем не менее, по изложенным выше причинам, считаю ненцелесообразным организовывать подобный музей путем проведения кампании жертвования исторических реликвий в „Фонд музея русской эмиграции“. Нет никаких оснований полагать, что нынешнее положение и система работы учреждений культуры Владивостока отличаются в лучшую сторону от Москвы и Петербурга. Вряд ли стоит игнорировать и обширную информацию о деятельности мафиозных структур Приморского края. И, наконец, я полностью согласен со „старым эмигрантом-подписчиком“ в том, что, если действительно уникальные материалы и реликвии осядут во Владивостоке, то они по причинам крайней удаленности и непомерно высоких транспортных цен, окажутся практически недоступными для огромного большинства ученых, писателей, да и всего населения пока еще необъятной России.

Виктор Бортневский

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

РОДНОЙ ЯЗЫК В ОБСТАНОВКЕ ИЗГНАНИЯ

В статье „На каком языке говорят с детьми?“ в „Новом Русском Слове“ от 9 сентября 1995 года, О. Сулькин сообщает нам о чудо-вищном инциденте в США: некий судья Кайзер в Техасе пригрозил женщине, мексиканке по происхождению, но живущей в Северной Америке, Мартё Даурено, отобрать у нее ее 5-летнюю дочь, за то, что она с той дома разговаривает по-испански, а не по-английски!

Происшествие вызвало вполне понятное внимание — и возмущение! — в испаноязычном мире, о чем свидетельствует заметка в буэносайрской газете „La Nación“ от 5 ноября, „La guerra del castellano“.

Но оно, понятно, касается не только мексиканцев, порториканцев или беженцев с Кубы, оказавшихся волею судьбы в Соединенных Штатах; оно касается всех жителей этой страны, имеющих родным языком не английский, а иной, в том числе и русских. Притом не только более или менее новоприбывших, а даже и осевших там давно, — если они желают сохранять свои национальные традиции.

Положим, настолько наглое вторжение в область личной и семейной жизни, вроде бы до сей поры не имело precedents. В Европе, Азии, Южной Америке до такого как будто еще никогда не доходило.

Принуждение к денационализации тяготело везде над детьми, начиная с школьного возраста и в виде давления окружающей среды.

Об этих именно проблемах и трактует, в основном, О. Сулькин, с которым мы во многом не можем согласиться.

Рассуждая явно с точки зрения третьей волны, он говорит следующее:

„Есть родители, действующие по методу Марты Даурено. Они общаются с ребенком только по-русски. Кто-то от лености ума, нежелания менять удобный уклад. Большинство же, убежден, из отчаянного желания сохранить хотя бы дома оазис языкового комфорта, „зону безопасности“ от английского, — причиняющего столько неудобств и мучений при общении со внешним миром“.

Для наших первой и второй эмиграций дело так не стояло. Движущей силой был патриотизм, любовь к родному языку и ко своему народу. Поэтому во Франции, например, большинство (хотя насколько значительное) установить трудно русских семей сохранили русский язык на протяжении двух и даже трех поколений. Что не всегда в совершенстве — вопрос иной: трудностей ведь было довольно.

Причем как общее правило (отнюдь не без изъятий), особенно хорошо язык сохранялся в культурных семьях, где родители сами свободно владели французским, а иногда и другими иностранными языками.

Насчет практических трудностей в школе, — что-то совсем не приходилось слышать. Дети, родившиеся или выросшие во Франции, обычно свободно по-французски болтали, научившись

если не в семье, то на улице, у соседей, у товарищей по играм. В более тяжелом положении оказывались те, кто переезжал из одной страны в другую, или те, кто за границу попадал уже в школьном возрасте (как во второй волне случалось часто). Но и они, с легкостью уверения, присущей детям, почти всегда быстро свои недостатки преодолевали.

Проблема бывала в другом: как удержать знание родного языка после поступления в иноязычную школу, где приходилось говорить на иностранном.

Жаль, что будто никто не пытался обобщить опыт, в этом отношении, по разным странам. Скажем, Франции, Германии, Италии, — и более далеким.

Похоже, что хуже всего обстоит именно в Соединенных Штатах, с их пресловутым идеалом: melting pot.

Интересно бы установить, насколько же ли плохо обстоит в иных англоязычных странах, как Канада, Австралия, сама Англия?

Впрочем, в этих вопросах, — у каждой семьи своя особая история.

Несомненно однако то, (что и О. Сулькин признает), что знание любого второго языка есть серьезное преимущество, в любой стране. Когда же речь о таком языке как русский, великом языке великого народа, то это преимущество особенно значительно, — и оно со временем только растет.

Собственный язык г-на Сулькина оставляет желать много лучшего. Неприятно читать вульгарное мышко вместо литературного, да и народного малютка. Коробит и название города (где произошла история с судьей Кайзером) Амарилло, вместо Амарильо.

Из того же „Нового Русского Слова“ мы узнаем однако, — и с немалым удовольствием! — что и в среде выходцев из России самого новейшего времени есть люди, озабоченные теми же проблемами, которые беспокояли и нас: как передать детям хорошее знание родного языка, как сохранить в них русский дух.

Мы тут имеем в виду давнюю уже статью, — в номере от 1 июня 1994 года, — Е. Вапничной „Великий и могучий или „блестящая музыка?“. Ее автор, явно человек высокой культуры, много интересного рассказывает, на базе своего и своих друзей и знакомых опыта, о путях передачи от старого поколения к новому, в условиях жизни в иностранном мире, знания и любви к родной речи и неизбежно связанного с ними чувства своей национальной принадлежности.

Вот у таких людей надо учиться и им подражать! Хотя она, собственно говоря, не дает рецептов, а лишь сама ломает голову о том, как, не приуждая и не навязывая, прививать детям и подросткам верность к их природным источникам, как их ввести в духовное пространство, в каком живут их родители, и их в этом особом мире, связанном с русской литературой и русской психологией, на всегда закрепить.

Владимир Рудинский

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

Я ЗЫКОБОРЬЕ

Трудно определить чего больше в постановлении судьи Кайзера: ксенофобии или невежества. Этот типичный представитель абсурдной американской судебной системы, недавно оправдавшей явного убийцу О Джей Симпсона, заявил, что говоря со своей дочкой только по-испански ее мать-мексиканка обрекала ее на мизерное будущее служанки.

Кайзеру неведомо, что в раннем возрасте дети впитывают в себя языки с невероятной легкостью, словно губки. Помнится, в 50-х годах журнал „Ридерс Дайджест“ поместил статью о семье Берлиц, основавшей всемирно распространенную одноименную „академию языков“. В статье повествовалось, что когда в этой семье родился ребенок, с самого начала дед говорил с ним только по-немецки, бабушка по-французски, отец по-английски, а мать по-испански. В результате к 4-летнему возрасту мальчик в совершенстве владел всеми этими языками.

Фактически все мы, представители 3-го поколения русской белой эмиграции, сперва научились говорить только по-русски, до трех-четырех лет совершенно не умея изъясняться на местном языке. Но, войдя в плотное соприкосновение с окружающей средой, в считанные дни сравнялись в лингвистических познаниях со своими туземными сверстниками. И не только никто впоследствии не стал лакеем или официантом, не только практически все заняли достойные места на социальной лестнице местного общества, но иные даже выдвинулись на не-русском литературном и публицистическом поприще.

Кайзеру, которому пришлось таки пойти на попытную со своим шемякиным постановлением — неведомек также, что борьба за сохранение языка предков в чужой стране ограничивается подвигом и достойна уважения, а никак не заушеня. Чтобы противостоять языковому давлению окружающей среды (учебного заведения, соседей, телевидения) родителям нужно быть Целестремленно бодрствующими каждую минуту своего пребывания с детьми. Как бы ни устали после рабочего дня и как бы их голова не была занята всякими заботами и неприятностями, им нужно постоянно поправлять детей (говори по-русски!), избегать самому сбиваться на порою вкрапляющиеся в речь иностранные обороты, немедленно переводить трудные местные слова на русский; ни один вечер не погонитесь прочитать им что-либо вслух — или заставить прочитать из литературы на русском языке. Причем делать это неукоснительно, потому что перерывы разжигают детский „бунт“ против дополнительного усилия. „Коготок увяз, всей птичке пропасть“.

Разумеется процесс овладения русским языком в случае смешанных браков, еще более сложен. Несмотря на всяческие усилия ребенок обычно начинает говорить сперва на местном языке, но если родитель продолжает настойчиво общаться с

ним только по-русски, ребенок „заряжается“ русским словарным запасом, даже если на данном отрезке времени им и не пользуется. Как правило, в таких случаях русскоговорящему родителю ребенок упорно отвечает на местном языке... пока его не прорвет. Важную роль в таком „прорыве“ играют летние лагеря зарубежных молодежных организаций, как то Национальная Русских Скаутов, Русских Юных Разведчиков, Русских Патриотических Разведчиков, Национальная Витязей. Поскольку в таких лагерях строго запрещено говорить на ином языке кроме русского, ребенок вынужден сделать рывок и перешагнуть через психологический барьер, доселе не позволявший ему отвечать на этом языке. По возвращении из первого лагеря родитель обычно констатирует, что у такого ребенка русский язык „развязался“.

Чем побудить ребенка углубить это знание? Можно конечно ему твердить, что лишний язык откроет перед ним более широкий и доходный профессиональный горизонт. Но это — весьма шаткий фундамент; редкие дети способны вдохновиться меркантильными соображениями. Иное дело — альтруистическими. Опалияемое священным огнем патриотизма сознание принадлежности к чему-то великому и вечному — России — куда более способно толкнуть ребенка полноценно окунуться в языковую стихию своей нации.

Для этого важно, чтобы ребенок не ощущал свою семью, одиноким островком в море иностранной жизни, а знал, что есть другие, такие же островки составляющие пусть хилый, но однородный и гордый архипелаг. Здесь ключевым фактором является регулярное посещение богослужений, учение в русских субботних школах и опять-таки участие в летних разведческих лагерях, с их полуоенизованной методикой. С их формой, символами, походами, ночными дежурствами и кострами, на которых поются — в некоторых лагерях изо дня в день — нравственно гальванизирующие, душу щемящие песни „цветных полков“ Добровольческой Армии.

И еще. Ничего нет в жизни более разъезжающего, чем насмешки. А насмешки непременно пускаются в ход детьми, когда у них присутствии кто-либо говорит на иностранном языке. Поэтому многие эмигрантские отпрыски стыдятся изъясняться со своими родителями по-русски в общественных местах. Однако если не побороть этот стыд, совершенно невозможно дальше развиваться в принадлежности к русской культуре. И опять-таки только ясное и острое чувство национального достоинства, может послужить панцирем всякому измыванию: более того, может позволить ребенку в таких случаях, перейти в контратаку и опрокидывать насмешника самым действенным из приемов: подтруниванием над подтрунивающим.

Николай Казанцев

МАРИНА ГЕРШЕЛЬМАН

ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА ИОАСАФА

(К сорокалетию кончины 26.11.1995)

Перед нами чудом уцелевшая тетрадь Владыки Иоасафа (Скородумова) Бузносайферского и Аргентино-Парагвайского, в которой он записывал свои проповеди, сказанные им в Полтаве в 1919 году „во время господства большевиков“. Удивляешься его бесстрашию — только в конце июля Белая Армия временно освободила город.

Проповеди сказаны живым, ярким языком, в конце каждой он переходит на злободневные темы, вероятно повышая голос, как мы это наблюдали здесь в Аргентине. Вот несколько выдержек из этих записей:

Слово в неделю о Самарянине, 5 апреля 1919 год.

„Вода живая — это все православное учение православной Церкви, от начала до сих дней, ибо ей Господь передал воду живую: Тело и Кровь Свою, истину и Слово Божие, чтобы через руководство Ея всем верующим дать жизнь вечную. (...) Исток этих вод глубок и необъятен (...) ибо начало его неизмеримая и недоступная для человека глубина — Бог.

Вот этот-то глубинный источник воды живой мы и оставили, братья и сестры, и потому умираем. (...) Поэтому-то Господь и оставил нас, потому-то Он и предал нас на поругание и посмеяние неверным, безбожникам и богоотступникам; потому и отдал наши сердца, чтобы веровать „льсти и лукавству, зане любовь истины не прияша“. Так как мы не веровали истине, а истина есть Христос, (...) и перестали служить Ему духом и истиной, (а Ему именно так надлежит служить и поклоняться), то вот теперь мы при нуждаемся служить чреву, плоти; вся жизнь, все желания врачаются около земли. Мы теперь не имеем возможности служить духом.

Вот и случилось, что нас пьют теперь гнилою водою, из пустого, и гнилого источника.

Эта гнилая вода — учение большевицкое, безбожное; ее источник — мудрость „земная, душевная“ (не духовная), бесовская, где зависть, сварливость, все худое и всякое неустройство“ (Иак. 9, 15-16). Раздаители этой гнилой воды „бездонные источники“ облака и мглы, гонимые бурею, им подгото- тован мрак вечной тьмы“, „они рабы тления, хотя и обещают все свободу“ (Петра 2, 17-19).

Что могут дать эти „рабы тления“ — кроме рабства; „гонимые бурею“ — беспокойство, ропот и бунты; что могут они дать и к чему привести, как не к погибели.

Оставим эти гнилые источники. Пусть эти „бездонные облака“ промчаться, гонимые бурею и исчезнут.

У нас есть источник жизни Христос Господь и Его Святая Церковь.

Все жаждущие да идем туда и прием от источника жизни приснотекущего“.

Слово в неделю о слепом, 12 мая 1919 год.

С ужасом Владыка повествует о том, как книжники и фарисеи старались замолчать и не признать великое чудо, совершенное Христом — прозрение слепорожденного. То, что это чудо было совершено в субботу, для них было поводом, чтобы привести над Целителем суровый приговор: „не от Бога Он, ибо не испо-

полняет субботу“. Они воспользовались сим обстоятельством, чтобы еще больше удалиться от веры. Они все время удалялись от света, — ибо дела их были тьма (...) и теперь они боялись поверить, ибо им пришлось бы сознаться в своих грехах, отказаться от своего самолюбия, своих неправых убеждений — перестать быть тем, чем они были.

Зато сам исцеленный смело исповедывал чудо во всей силе, говоря: „Грецников Бог не слушает... от века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепому от рождения“. А к пастырю Владыка обратился так: „Слепец прозрел телесно, — воскреся и для новой жизни. Прозрел духовно и прославил Сына Божия, Христа Спасителя.

А нас, — ничто не воскресит, ничто не заставит нас прозреть. По своему ожесточенному сердцу мы подобны этим фарисеям, которые отвергали данное чудо, никак не хотели поверить. Ни чудеса Божиего мира, ни наказания, ни прощения, — ничто не обратит сердца наши к Богу. Человечество остается в неверию и ожесточается все больше и больше.

Оттого и скрьбы такая в нашей жизни, оттого такая тягота, лишения; невыносимая скрьба оттого, что люди отдалились от Христа; желают жить без Христа. Но что жизнь без Христа? — одна мука. (...) Подлинно жизнь без Христа делается невыносимой. Господь сказал: „Я свет миру, пока я в мире“. Без Него мрак, — темнота духовная. И тот свет, про который мы с вами слышим теперь постоянно, до оскомины, не есть свет, а настоящий демонский, адский мрак, помрачающий всего человека еще до окончательной гибели его во мраке вечном.

Божественный свет светит нам, хотя мы и не желаем светения его, ибо дела наши злы (...) тьма не любит света. Господь-Свет еще не удается от нас, ибо хочет спасения людей, — Он долготерпит „да все приидут в покаяние“, (...) Но, возлюбленные, Он может удалиться из мира, — тогда подлинно наступит мрак для всего мира, мрак адский, демонский, антихристов. Не будем уподобляться фарисеям, а будем веровать во Христа, как слепец онный, прозревший, и смело исповедывать Его в это лукавое время, Сыном Божиим, дабы улучшить нам жизнь венную, которую Он обещал всем любящим Его.

Ей, да будет так!“

Владыка в Полтаве организовал преподавание Закона Божия детям, которых собралось более 120 человек. Он записал так: „Ходили по улицам с флагами, на которых были изображены разные христианские символы: крест, рыба и др. Значок рыбы был вышит у каждого на рубашке. Все смотрели, но не знали, почему рыба — (символ Христа). Как будто рыболовы.“

“С этими детьми мы и ходили на „Шведскую“ могилу и в другие места“.

Слово к детям, сказанное на „Шведской могиле“, около Полтавы, 28 мая 1919 года.

„Дети. Храм, в котором мы молимся, есть храм Сампсони Странноприимца. В своей жизни он показал великую любовь, принимая странников.“

Велико дело любви, оно выше всех других дел.

В этом же храме покоятся воины русские, — тоже проявившие великую любовь к своему отечеству, к друзьям своим, по заповеди Божией: больше сия любве никотоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Иоанн. 15, 13). Без любви нет доброго дела. И прежде всего любовь к Богу, даже до смерти и исповедание этой любви: аще кто исповесть мя пред

человеки, исповем и Аз его пред Ангелами моими.

Не страшитесь исповедывать Господа, хотя бы за это грозила вам смерть, и вы получите жизнь вечную. Потом также, любовь к ближним своим до самопожертвования, как у воинов, павших за отчество.

Без любви нет доброго дела. Вспомним апостола Павла, который говорит, что его никто не отлучит от любви Христовой: ни огонь, ни меч, ни настоящая, ни будущая. Если, — говорил он, — я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И сам я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы (1 Коринф. 13, 1-3).

Зная это, возлюбленные дети, будем приобретать эту любовь. Да возгорятся сердца ваши этой любовью ко Господу и ближним своим, дабы через это встретиться нам всем в Царстве Господа Христа, где да упокоит Он, милосердный, павших наших русских воинов, явивших свою смертью эту любовь“.

Слово 28 июля 1919 года. (Временное освобождение от большевиков через добровольцев).

„Господи, спаси меня, — воскликнул Петр, когда, видя вокруг себя бушующие волны, упал духом и стал тонуть. И Господь тотчас протянул ему руку и спас его от потопления, войдя с ним вместе в лодку.“

И мы, возлюбленные, сами на себе убедились в великой благости Господа, ибо как только возопили в великой буре несчастий ко Господу; или лучше не мы, а праведные мужи и жены, находящиеся среди нас, — так тотчас Господь протянул нам милующую руку и избавил нас от гибели и смерти.

Подлинно мы убеждаемся, что „избавление послал Господь людям Своим“.

И вот верные, в которых еще теплилась надежда на Господа, которые не прельстились благами мира сего и льстивыми обещаниями обольстителей, не продали своего христианского и человеческого первородства за чечевичную похлебку материальных выгод и благ; благодарят Господа и радуются радостию великою. Да и как не радоваться? Вспомним, чему подвергались мы, от чего избавились.

Мы жили как приговоренные к смерти, видя, как наши братья и сестры умирают под руками палачей; ждали своей очереди. Мы были как заключенные в тюрьму, от которых удалилась всякая надежда увидеть свет Божий. Мы были как осужденные, на которых наброшена петля, готовая затянуться по мановению палача.

У нас отняли имущество, одежду, хлеб, жилище; отняли жизнь нашу, ибо мы не вольны были распоряжаться ею. Никто не мог сказать, что завтра не обвинят его и не предадут смерти. Мы не могли свободно молиться, ибо храмы разрушали и сжигали, не могли свободно мыслить и говорить, опасаясь быть подслушанными и оклеветанными; мы не могли ни выехать, ни пойти по своей воле. Подлинно для нас устроена была тюрьма.

Больше того, — злодеяние стало законом. Смерть и казни под пытками — символом власти. Бессовестность, бесстыдство, наглость, жестокость стали добродетелями. Ложь, беспроблемная ложь, — окутывала нас темным облаком.

Подлинно, это было время, когда царствовал сам сатана через верных слуг своих, позабывших, что они

образ Божий, — продавших свою совесть нечистому духу. Да, — это было время, когда во главе находились люди, про которых апостол Иоанн в апокалипсисе говорил: „Я знаю злословие тех, которые говорят, что они Иудеи, но они лгут, они не таковы, а сбирающе сатанинское“ (ап. 3, 9). Это они, распявшие Христа, и сделавшиеся исполненными богоборцами, как и демоны, отторгли часть братьев наших и, ниспавших вместе с ними в бездну отступления, и воздвигли гонение на Церковь Христову и на все благородное и достойное в человечестве; подвергли поруганию храмы, и не только храмы, но и сальные останки святых на земле. Вспомним, как сами они гордо и нагло передавали вести об осквернении именем мощей святых. Причем низкая клевета на святых, ложь и бесстыдство в передачах были обычными спутниками этих известий. Когда же говорили, по слову Евангелия, — ибо они лжецы и дети лжи.

Возрадуемся же, братие, и возвеселимся в этот день, „ибо сам Господь поборает по нас“. Верные, правдивые известия идут о помощи Божией. Вот пример: газета „Жизнь“ передает: „Перед вскрытием мощей Св. Митрофана в соборе около раки, в виде предупреждения похищения со стороны верующих, совет представил караул из красноармейцев. Наутро весь этот караул был привезен в психиатрическую больницу в бессознательном состоянии. Некоторые из солдат умерли, остальные, пробыв некоторое время в состоянии психоза, пришли в себя и вот что рассказали: Ночью открылись Царские врата и вышел маленький старенький монах. Его приветствовали многочисленные священники, и вся процессия двинулась от Царских врат к раке угодника. Тут красноармейцы открыли стрельбу из винтовок, которая не причинила процессии никакого вреда, даже не была, словно, ими замечена; тогда красноармейцы бросились на священников, но почему-то все потеряли сознание. В таком виде они и были найдены утром. Доктора еще указали на следующий факт, — у всех привезенных оказались раны на левой руке, как будто бы прострелена ладонь, причем эта рана почти не поддается лечению. Пока под повязкой, рана затягивается, но стоит снять повязку, рана снова начинает открываться и делается свежей“ („Жизнь“ — Ростов. 9 июля 1919 года, № 68).

Мы видим теперь, что Господь слышит молитвы праведников. Мы видим, что гнев Божий на богоотступников поднимается. Они получат достойное возмездие за свои беззакония, и никто из них не избежит его.

Дадим же место гневу Божию“.

Из всех этих поучений Владыки Иоасафа явствует, что главное для человека это его духовная жизнь, его стремление к Богу и к исполнению Его заповедей. Будь это „край-угольным камнем“ здания нашего государства, то и вся жизнь его наладилась бы. То же самое пытаются теперь в России внушить своим близким те люди, которые по-настоящему пришли к вере и к Церкви, приводя примеры из нашей истории: когда Русь зиждалась на заповедях Христовых, то она жила в мире и благоденствовала; и наоборот, когда она пренебрегала учением Христа, то ее постигали бедствия; тогда русский народ налагал на себя пост, каялся в своих грехах и в усердных молитвах выпрашивал себе опять помочь Божию, предстательством Божией Матери.

Марина Гершельман

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МИТРОПОЛИТ ИОАНН

Нам пишут из С. Петербурга:

Здесь умер от инфаркта во время приема у “новых русских” митрополит Иоанн (Сычев) Санкт-Петербургский и Ладожский, второе лицо в Московской Патриархии. Родившись в Херсонской области, в крестьянской семье в 1927 году, он в ноябре 1944 был призван в советскую армию, но через несколько месяцев, по болезни, освобожден от службы и стал пономарем одного из храмов Оренбургской области. В 1948 году рукоположен во иеряя. Магистр богословия, с 1969-го года — епископ Куйбышевский и Сызранский, а с 1990-го — митрополит Санкт-Петербургский.

За три месяца до его смерти бывший диссидент Глеб Якунин обвинил митрополита Иоанна в том, что он якобы “активно продолжает от имени Церкви распространять идеи антисемитизма, черносотенства, великодержавного шовинизма и политического мракобесия”.

Те, кто хорошо его знал еще по пастырскому служению в Поволжье, утверждают, что митрополит Иоанн всегда честно стремился следовать правилам монашеской добродеятельности и был стойким антикоммунистом. Тем не менее, в последние годы он часто повторял национал-большевицкие тезисы и позволял себе восхвалять Сталина.

Недаром первой на кончину митрополита откликнулась именно коммунистическая газета “Советская Россия” в статье под заголовком „Памяти мудрого друга“. В этом же номере газеты в заметке „Его выстрадала наша душа“ также поют дифирамбы покойному иерарху ряд лиц среди которых числятся глава КПРФ Геннадий Зюганов, редактор газеты „Завтра“ Александр Проканов, Александр Руцкой, Валентин Вареников и другие коммунисты.

Выступления митрополита Иоанна в „Советской России“ не раз возбуждали полемику в прессе. У верующих же вызывал недоумение союз постоянного члена Синода с наследниками богоchorеческой власти.

Известный религиозный публицист Яков Кротов, откликаясь на смерть митрополита в „Независимой газете“, с горечью пишет об окружении иерарха, которое якобы использовало его авторитет в своих целях. В прессе не раз звучали имена людей из окружения митрополита (в частности, называлось имя его пресс-секретаря Душенова), которые делали заявления от его имени и повидимому даже писали за него статьи для „Советской России“. Митрополит Иоанн благословлял все, что говорилось и писалось от его имени.

В июне 1995 года, со страниц „Литературной Газеты“ патриарх Алексий Второй публично отмечался от второго лица в Мос-

ковской Патриархии: „Политические высказывания митрополита Иоанна являются его личным мнением. Он несет за них личную ответственность“.

В сентябре в атаку на митрополита Иоанна пошли коммунисты-анти-национал-большевики. Клеймом его “странный патриотизм”, антипьевец В. Бушин на страницах „Правды“ укорял иерарха за „неутомимую жажду предать анафеме Октябрьскую революцию“ и „лютую ненависть к советской власти и социализму“.

По мнению главы Союза „Христианское Возрождение“ В. Н. Осипова „почил единственный иерарх Церкви, кто бесстрашно возвышал голос за каноническую чистоту православия, за национальную христианскую государственность, единую и неделимую Россию, против международного мондиалистского заговора; замолк голос, вселявший надежду и уверенность; смолк тот, кто давал благословение на священную брань с пятой колонной Люцифера“.

Похоронен митрополит Иоанн на территории Александро-Невской Лавры.

A. В. НЕТЕСОВ

Нам пишут из Ростова на Дону:

Председатель Донского Монархического Центра А. В. Нетесов разоспал местным газетам — и одна напечатала — статью под заглавием „Агония демократии“, в которой он утверждает, что четырехлетний период „демократических преобразований“ по степени „разрушительного воздействия на политическое, экономическое и духовное единство страны“ превзошел катаклизмы XX века; недаром некоторые политики гайдаровский эксперимент на живом теле России иногда именуют Третьей Мировой войной, где в роли проигравшей стороны наша страна и населяющие ее народы, в первую очередь русские“.

По словам А. В. Нетесова, „теперь уже все большее число людей различного социального по-

ложения понимают, что реформы должны вписываться в национально-государственные традиции российской государственности. По этому поводу И. Л. Солоневич писал в 1953 году: „Всякая разумная программа предложенная данному народу, должна иметь в виду данный народ, а не абстрактного гомо сапиенса, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделить его авторам данной программы“.

УГРОЗА СВЯТЫМ МЕСТАМ

Нам пишут из Нью Йорка:

Мировой Совет Церквей очень озабочен тем, что израильское правительство создало такие условия экономической и политической необеспеченности, что христианская население Иерусалима покидает пределы Святой Земли.

Центральный Комитет Мирового Совета Церквей, на своих недавних заседаниях сделал специальное обращение к правительству Израиля, требуя „прекращения систематической практики конфискации зданий и земель, разрушения зданий и образования новых еврейских поселений в Иерусалиме и его окрестностях“.

Комиссия также подвергла критике ограничения свободы в передвижениях христиан и мусульман в пределах города.

Однако заявление не требует от членов МСЦ, чтобы они самостоятельно делали свои протесты израильскому правительству. Члены этой организации должны только „постоянно молиться и быть солидарными с христианскими общинами в Иерусалиме, для того, чтобы заручиться, что присутствие наличных христиан в Святой Земле будет продолжаться“.

Тем не менее, Центральный Комитет обратился ко всем христианским общинам в Иерусалиме с беспрецедентным указанием, требовать от властей специального „юридического и политического статуса Иерусалима, который отражал бы универсальное значе-

АРЕСТЫ КАЗАКОВ В КАЗАХСТАНЕ

Бывший вельможа от КПСС, а ныне первый националист казахской республики, Назарбаев развернул очередную кампанию травли и преследования казачества. Режим личной власти, детище перестройки, дополнил теперь горбачевскую „демократизацию“ откровенным апартеидом. Сегодня в Казахстане лишают свободы за одно только появление русского человека на улице в традиционной казачьей форме.

26 октября 1995 г. в городе Кокчетав были арестованы казаки Сергей Макаров и Андрей Цветков только за то, что они заступились за казачку Елену Савчину, ставшую объектом вожделений „хозяев города“ — местных чеченцев. Насиловать, видите ли, можно. Вырывать у насильников жертв — нельзя.

В субботу 23 октября в Алма-Ате, при подаче документов на регистрацию в качестве кандидатов в депутаты на выборах в парламент Казахстана в помещении окружной комиссии был арестован атаман Семиреченского казачьего войска, член Совета соотечественников при Государственной Думе России Николай Владимирович Гунькин. Вместо ордера на арест атаману „предъявили“ кулаки и дубинки. Известный всему Казахстану общественный деятель был схвачен специально подготовленным для таких дел подразделением ГУВД.

Тридцать первого октября в городе Талды-Курган арестован и избит „группой захвата“ войсковой старшина, член атаманского правления семиреченских казаков Анатолий Григорьевич Ворожцов, которому инкриминируют... „участие в казачьем сходе“.

Наглый произвол этнократического режима стал возможен благодаря равнодушию и попустительству ельцинских властей. Наши чиновники палец о палец не ударили в защиту соотечественников. Дескать, суверенитет. Поделили власть, собственность и сферы влияния. Сфера глумления и бесчинства.

Владимир Осипов

Глава Союза „Христианское Возрождение“

ние Города“.

Христианские представители, в своем заявлении требуют, чтобы христианским, мусульманским и еврейским общинам было предоставлено свободное право передвижений, право устраивать паломничества, свободного исповедания веры, следования своей совести и право вести религиозную, образовательную, медицинскую и благотворительную деятельность.

Генеральный Секретарь МСЦ Конрад Райзер при этом сообщил Центральному Комитету, что „Ватикан полностью осведомлен о том, что он не смеет претендовать на проведение переговоров (с израильским правительством) от имени всех христиан, и во всяком случае, от имени местных Церквей“.

Почти все Святые Места находятся в ведении православных и монофизитских Церквей, которые состоят членами Мирового Совета Церквей.

Совершенно очевидно, что существованию и свободной деятельности православной Церкви и иных христианских исповеданий в Святой Земле грозит большая опасность со стороны израильского правительства, с одной стороны и Ватикана, установившего конкордат с иудаизмом — с другой.

КОРОЛЬ МИХАИЛ

Нам пишут из Бухареста:

Бывшему королю Румынии Михаилу, который пожелал присутствовать на похоронах председателя Национал-Церенистской, Христианской и Демократической партии Корнелию Копосу, снова отказано во въезде в страну. Для согласия на приезд короля в страну румынское правительство по прежнему требует от него „ясное и недвусмысленное заявление о признании конституционного строя Румынии“.

Въездная виза была однако предоставлена супруге короля — Анне де Бурбон Парма и дочери — принцессе Маргарите. Во время их пребывания в здании, где проходила панихида, окружавшая его толпа выкрикивала монархические лозунги.

ГОНКУРОВСКИЙ ЛАУРЕАТ

Нам пишут из Медона:

Политический эмигрант из бывшего Советского Союза 38-летний Андрей Макин получил самую престижную во Франции литературную награду — Гонкуровскую премию за полуавтобиографический роман „Французский завет“.

Хотя денежный эквивалент премии имеет символический характер — 10 долларов, ее авторитет необычайно высок. Произведения удостоенные этой премии обычно становятся бестселлерами французского книжного рынка.

„Французский завет“, четвертый роман Андрея Макина, полуисторическая, полусказочная история, в которой главный герой со временем покидает Россию, чтобы начать новую жизнь во Франции.